

Алексей Андрёров

БЕСКОНЕЧНОЕ ЛЕТО

И ПОТЕРЯННАЯ
БРОШЬ

Совёнок

Неделя грёз
(финал)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Алфёров

**Бесконечное лето и Потерянная
брошь. Книга Девятая
- Неделя грёз (финал)
Серия «Бесконечное Лето и
Потерянная Брошь», книга 9**

<https://litres.ru/74244537>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семён снова оказывается в «Совёнке». Циклы, забытые недели, двойники, магические артефакты и чужие судьбы сплетаются вокруг него всё туже. Он пытается понять, где правда, где ловушка, а где лишь очередная фальшивая надежда, оставленная лагерем, чтобы снова вернуть всех к началу.

В этом цикле всё куда сложнее: рядом оказываются две Жени — одна с болью прошлой жизни и ревностью, другая с брошью, библиотекой и тихой верой в Семёна. Лена помнит больше, чем должна, Виола знает правду и старается удержать героя от новых жертв, а Пионер — сломанная версия Семёна — вновь выходит из тени, продолжая искать загадочный голос, когда-то заставивший его пролить кровь.

На фоне этой тревоги в лагерь приезжает Саманта, американская гостя и символ надежды. Её появление приносит в «Совёнок» музыку, смех, новые чувства и странное ощущение, что выход всё ещё возможен. Но чем ярче горят огни дискотеки, тем отчётливее Семён понимает: лагерь жив, партия продолжается, и придётся сыграть против самой судьбы.

Содержание

День 1 - Привет Совёнок	5
День 1 - Вечерние тайны	23
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Алфёров

Бесконечное лето и Потерянная брошь.

Книга Девятая - Неделя грёз (финал)

День 1 - Привет Совёнок

Воспоминания пришли ко мне как сон, проплывая в сознании, как вода сквозь пальцы, но отчётливо оставляя след.

Я открыл глаза и снова почувствовал это жёсткое старое сиденье под собой, гул мотора и окно. А за окном — яркий свет. А уже за ним, в который раз, мелькала зелень. Деревья сновали вдоль дороги, будто нарисованные гуашью. А может, уже и рукой Лены, в своей голове и в сердце, что являлось мной же написанной книгой.

А самое обидное было то, что виноват я. Хотя и не до конца. Да, всё сделал он, но он сделал так потому, что я решил это сделать: написать книгу и рассказать ему причину бытия цикличности и про нож. Который он нашел в кустах.

Хоть он и поступил как злодей, всё же, неосознанно, он,

может, и не виноват. Ведь я сделал так, что Лена стала голосом. А она не смогла смотреть на их свадьбу, отчего заставила, чтобы он убил Женю и всех остальных. И ещё сам прописал ход событий Жени, которая тоже поверила в судьбу, как и Лена, и не рассказала мне о книге.

А самое жуткое, что Лена, спустя тысячу лет, снова прочла книгу. Поняла, что я появился опять, и, когда я бегал с Женькой, увидела, что всё идёт по сценарию. И не пошла против его воли, а свыклась с крахом лагеря, чтобы эти тысяча лет всё же были явью.

Действие, которое не складывается в голове.

Его можно было описать как жертву ради спасения прошедших лет. Но она всё же попала в наш мир, хоть я концовку после белого света так и не написал. Решил, что это к книге уже не относится.

Вот на этом моменте она как раз вне воли судьбы наконец-то повела себя так, как и хотела повести.

Так я и думал, смотря на мелькающие деревья и кусты, пока на горизонте не появились ворота, а автобус не остановился.

Я качнул сумкой и, поправив свой костюм охранника, всё же пошёл к выходу, где звякнули створки. По пути я снова посмотрел на водителя, который, держа сигарету в руке, не спеша пытался её подкурить.

И раз уж всё произошло, я хотел спросить, как его зовут. А может, и познакомиться. Но после его слова «выходите»

я вышел, потому что уже больно было знакомиться с другими людьми, которые попали сюда и страдают по своей воле. Оттого я только смирился, покинув автобус.

Вступив на брусчатку, я посмотрел на ворота с той самой надписью:

«Совёнок».

Место как приговор.

Но всё же в какой-то степени я был рад видеть его снова. И рад тому, что увижусь, как и хотел перед смертью, с Женей. С той, которую обрёк на эту жизнь. И ещё скормил ей яблоко, чтобы она помнила...

Чёрт.

А если я этим еще больше обрёк на страдание? На тысячелетие жизни здесь, в этом лагере, с памятью в голове?

Сердце бухнуло ещё громче, а грудь сдавило. И я не выдержал. Истерически закричал. Злость прорвалась изнутри, как пар из раскалённого котла. Я вцепился в рубашку охранника — эту нелепую, чужую, обтягивающую грудь форму. Начал дёргать её с плеч, словно она была виновата в моём провале.

— Ы-ы-ы... дурацкая форма! Дурацкая жизнь! Дурацкая книга! Руки, голова, всё... ненавижу! Я себя ненавижу! Я только всё испортил. Всё!

И вдруг — голоса.

— Он там!

— Приехал!

— С ним что-то случилось! Быстрее!

Я замер и повернул голову.

К воротам кто-то подбежал. Первой из-за них показалась она. Высокая. Стройная. В белом халате, развевающимся на ветру. С глазами — разными. Один — синий, как небо. Второй — карий, как цвет моей жизни. Полными удивления и боли.

— Семён! — закричала она.

И побежала ко мне.

— Виола, прости... Мы снова в цикличности. Я проиграл, Виола. Я не смог это остановить. Я и есть тот, из-за кого вы все тут страдаете. Я думал, эта книга, которую Лена залила кровью, была под названием «Мифы и легенды», а в реальности она залила мою книгу, которую я тогда писал. И в ней же описал, как лагерь тут жил, страдал и мучился. Виола, понимаешь, я во всём виноват. Я...

Я кричал визгом, будто стал младше на десять лет.

Она резко прижалась ко мне и крепко обняла. Дыхание у неё сбивалось. Руки дрожали.

— Я поняла тебя, — сказала она. — Я всё поняла. Но я тебя не виню. Ты хотел сделать всё, что мог. Ты пытался сделать всё, что нужно было. Но получилось так, как получилось. И мы даже к этому с тобой были готовы.

Она сжала меня крепче.

— Главное, что ты тут. И не всё потеряно. Значит, мы ещё сможем выбраться, — сказала Виола.

— Виола, знай: я бы смог. Я бы не писал книгу. Я бы не писал, не зная, что из-за неё всё и случится. Если бы Женя мне сказала... Если бы она намекнула, предупредила, а не промолчала, про книгу, мы бы всё остановили. И я бы не дал ему это сделать. И Лене умереть тоже бы не дал, — сказал я.

— Тише, Сёма, тише, — сказала Виола. — Не надо говорить это прямо сейчас вслух. Ты делаешь только большее.

— Я делаю тебе больно? Прости. Мне тяжело держать это в себе, — сказал я.

— Семён, не мне большее. Ей. Она слышит это, — сказала Виола.

— Она? — спросил я дрожащим голосом.

— Она, — сказала Виола.

Я отпрянул от Виолы и посмотрел на ворота.

А в просвете под ними стояли ноги. Худые и знакомые. В знакомых туфельках. А на них уже капала вода, хоть дождя и не было, а на небе не сыскать было облаков.

Внутри всё перекувырнулось и звякнуло. Но всё же я легонько отодвинул Виолу и пошёл вперёд. Пока не дошёл до ворот и не увидел, как из-за них показалась вцепившаяся в железо рука. Я легонько накрыл её своей ладонью.

— Сёма, ты хочешь сказать, что если бы я тебе сказала, то ты бы смог всё остановить, да? — схрипнул голос Жени.

— Нет. Во всём виноват лично я. Ведь я в книге той, которая была тогда у тебя в ящике, написал твои слова. Точнее, то, что ты мне сказала: что не скажешь, чтобы судьбу

не нарушить. И это я лично написал, хоть и по памяти. А Лена своими мыслями и кровью это воплотила, скажем, так, в прошлом, чтобы это обязательно было в будущем, — сказал я.

— Значит, ты вспомнил те твои четыре недели, но всё равно написал? — спросила Женя.

— Нет. Я вспомнил уже тогда, когда было поздно, когда уже всё свершилось. Но если ты тут, значит, ты вышла из лимба? — спросил я через ворота.

— Какого ещё лимба? — спросила Женя.

— Ну, в который ты попала, когда тебя убила Лена в нашем мире. Когда мы вышли оттуда, — сказал я.

— Лена убила меня? Сёма, после белого света я сразу же попала в этот цикл. Так что я совсем не понимаю, о чём ты говоришь сейчас. И получается, ты жил ещё какие-то циклы, да? — спросила Женя.

— Да. А что, Виола тебе не рассказала? — спросил я.

— Ну... я только вот сейчас узнала, что Виола что-то знает. Так что ничего она мне не говорила. Значит, вы оба, обязательно должны мне всё рассказать. Но перед этим я всё же сделаю это хорошо, — сказала Женя.

— Что? — спросил я.

Но она не ответила, а только убрала руку. Наверное, чтобы вытереть слёзы. И быстро вылезла из-за ворот. А потом поцеловала меня, схватив за воротник.

Так, как целуют не в первый раз, а будто всё ещё помнят,

как это было.

Её тепло пронзило меня. Я узнал этот поцелуй. Он был тот самый, из музыкального клуба. А потом Женя отстранилась — медленно, не спеша отпустить.

— И всё же я знала, что ты приедешь. Знала, что именно ты. Ты меня ещё не спас. Так что никуда ты от меня не денешься. Даже если, как ты говоришь, снова всё зациклилось, и мы сделали большой круг времени, в будущем нас не будет. А значит, мы с тобой спасёмся. И ты будешь тем, кто меня спасёт.

Я не успел ответить — вмешалась Виола:

— Эх... молодёжь. Романтика, одним словом. Но я действительно рада видеть, что вы всё же снова друг друга нашли, — сказала Виола.

Женя повернулась к ней, прищурилась:

— Кстати... я не поняла. А как так получилось, что ты тоже помнишь и мне всю эту неделю об этом не говорила при этом?

Виола пожала плечами. А я посмотрел на неё и усмехнулся:

— Вот это поворот. Значит, ты держала всё в тайне, да? Жень, просто в том цикле, когда мы вышли в дверь, мне тогда досталось яблоко, которое я уже хотел съесть, но не успел. Виола его у меня нечаянно забрала. Ну, так получилось. Видимо, эта судьба, о которой говорил твой бывший хахаль-маньяк и Лена, всё же существует, — сказал я.

— Да, причём какая-то горькая судьба, — спокойно сказала Виола. — Раз уж на то пошло, раз мы снова тут.

— Но знаете, девчата, что я вам скажу? Всё же мы попробуем эту судьбу поменять. Раз уж мы тут втроём, значит, мы найдём эту брошь и сбежим с ней. Вот бы ещё Шиноби был с нами, — сказал я.

— Шиноби? Это ты про воробья Ульяны говоришь? — спросила Женья.

— Да, его самого. Который у родителей пионеров сигареты таскал ко мне в медпункт и срал почти, на головы одиноких папаш, с которыми я хотела попить чай, — сказала Виола.

— Ага, всего лишь чай попить. Поверили, — усмехнулся я.

— Папаш? Значит, вы снова видели родителей, и ты дружил с воробьём? Я прямо не терплю, чтобы ты рассказал всё, что я пропустила.

— Ну... как сказать... Там, по сути, только одна моя неделя, — я улыбнулся. — Но если всё рассказывать, надо сразу три чайника в медпункте ставить.

— Так и есть, — усмехнулась Виола.

Я взглянул на неё.

— Кстати... Виола. Яд, надеюсь, ты сразу же вылила? — спросил я.

— Яд? Нет. Ну, мало ли. Но я его спрятала очень хорошо. Не переживай.

Она развернулась и махнула рукой, чтобы сменить тему:
— Ладно, пойдём уже в лагерь. Ольга, между прочим, как всегда ждёт тебя. Надо показаться.

Я кивнул, хоть и не особо радостно, и мы вошли за ворота. Лагерь был... тем же. Те же дорожки, здания клубов, деревья, брусчатка. Тот же воздух. И, по сути, ничем новым он меня не встретил. По пути я мельком обернулся на музыкальный клуб.

— Эм... а Мику тут? В музыкальном клубе? — спросил я, глядя на здание вдалеке.

— Тут, — кивнула Женя. — Ждёт своего первого ученика.

— Значит, я снова её увижу. Наверное, это хорошо. Хотя и печально, что она всё же сюда попала после уезда. Но уже ждёт первого ученика... А ты? Не записалась ещё?

— Не-а. Тебя ждала, как минимум. Да и... ну, как-то не могла я смотреть на пустой рояль, где нет тебя, сидящего рядом. Как-то... так.

— Понятно... — тихо сказал я.

Пройдя ещё дальше, уже подходя к клубам, я присвистнул.

— Шиноби! Ко мне!

Свистнул ещё раз.

— Думаешь, прилетит? — спросила Виола.

— Попытка не пытка... — вздохнул я.

И свистнул в третий раз. Над головой пролетел воробей.

Это был он. Я узнал его сразу. Но летел он не ко мне. А, видимо, от меня. Сорвался с ветки и исчез в небе, будто мой свист его только испугал.

— Не помнит, — прошептал я. — Жаль. Но и хорошо. А то знать, что ты умер в пасти девочки-кошки, дело такое себе.

— Чего?! — Женя поморщилась. — Юля съела того воробья?

— Ага. Мы со Славей следили, чтобы пирог в честь уезда Мику не был отравлен. Шиноби следил за нами, как настоящий контролёр. А она — хватъ его. И в бега. Я бежал за ней, кричал: «Остановись! Умоляю! Это мой друг!» Но она... не остановилась. И больше я его не видел. Только перья остались.

Виола опустила голову. Тихо положила ладонь мне на спину.

— Трогательно, наверное, видеть его после такого... — сказала она.

— Славя, пирог, отравление, Юля, воробей... Интересная у тебя неделя была, — добавила Женя. — Ты обязательно должен будешь её рассказать.

— Расскажу, — кивнул я. — Когда, как обычно, выйдем за библиотеку и сядем покурить.

— За библиотекой покурить, говоришь? — усмехнулась Женя. — Ну... тут такое дело... может, не получится.

— С чего это вдруг? Ты больше не библиотекарь? — при-

поднял я бровь.

— Ну да. Сейчас сам всё узнаешь, — сказала она, и взгляд её стал чуть... отстранённым.

Мы шли через площадь. Она кипела пионерами — как улей. Смех, разговоры, шаги, движение. Но стоило нам появиться, всё будто притихло. Я молчал. И они молчали.

Что я должен узнать?.. Почему она опустила голову, когда сказала это?.. — пронеслось в голове.

Вдалеке, на лавке, я заметил их: Алису и Славю. Они весело о чём-то переговаривались. Пока не увидели нас.

Их взгляды... Сразу — интерес. Внимание. Реакция. Вот только не это...

— Опять начнётся, — пробормотал я себе под нос. — Эти взгляды, эти «я тебя с первого вдоха полюбила». Знаю я тебя, лагерь. Знаю, как облупленного.

Мы подошли к домику Ольги Дмитриевны. Он, как всегда, утопал в сирени, от которой у Жени была стойкая аллергия.

— Чёртова сирень... — буркнула она и чихнула. — Сдалась мне эта кустистая зараза.

Я еле сдержал улыбку.

— Могла и где-нибудь в другом месте подождать, чтобы сюда не ходить, — сказал я.

— Не получится. Так как мне теперь можно тебе сказать: добро пожаловать в мою обитель, Семён, — торжественно сказала Женья.

— Чего?! — я аж закашлялся.

Виола, усмехнувшись, постучала мне по спине.

— Ага. Она теперь с Ольгой живёт. После того как её с сигаретами спалили.

— Спалила с сигаретами и подселила к себе... Это уже опять настораживает. Хотя и весело, — хмыкнул я.

— Ничего смешного, — буркнула Женя. — Это ещё цветочки. Так что... готовься. Ты тут ещё много чего пока не знаешь, но скоро узнаешь. И от этого ещё больше насторожишься.

Я сглотнул, кивнул, и мы вошли в домик.

Перед нами появилась она. Величественная, как всегда. Смотрела в окно, но, услышав нас, обернулась. С улыбкой, но со спиной, как у строевого офицера.

— Привели, значит, нового пионера... — начала Ольга Дмитриевна. — Добро пожаловать. Меня зовут Ольга Дмитриевна.

Она пристально посмотрела на меня. Явно ждала ответа, но, не получив его, решила продолжить сама.

— Семён. Да? Я вожатая в этом пионерском лагере, в который тебя отправили на неделю. И по совместительству вожатая именно твоего отряда. Отряд самых взрослых. Вот даже Женя там тоже присутствует. Надеюсь, вы познакомились. Так что и мы с тобой будем знакомы.

Она чуть выпрямилась.

— Тебе тут уже подготовили форму. Надеюсь, она будет

тебе впору. Ты опоздал на неделю, придётся адаптироваться быстрее остальных. Главное — соблюдать распорядок. И никакого спиртного и сигарет в мою смену. Хорошо?

Я кивнул.

— Угу.

— А сейчас девочки покажут, где ты будешь жить, — сказала Ольга.

— Понял-принял, — кивнул я и взглянул на Женю, та была совсем без доли улыбки.

После этого я посмотрел на кровать, на которой когда-то спал.

Всё было аккуратно застелено. Вещи сложены. На тумбочке — книги. Парочка, а не целая кipa. Видимо, Ольга не разрешала читать всю ночь. Отчего для Жени это были ещё большие мучения.

— Ладно, — сказала Ольга. — Все берите форму и идите ему показывать. А то скоро ужин, нужно будет его туда отвести, а то, наверное, проголодался с дороги. Женя, а ты после ужина сразу домой. И не забывай, что ты под моим присмотром. Поняла?

Она кивнула и вышла, а мы с Виолой следом за ней.

Женя, недовольно бурча, с начало чихнула а потом шепнула:

— Вот мымра... Нашлась, понимаешь, тюремщица. Лагерь, оказывается, ещё был не таким душным. Настоящая тюрьма — это с ней жить. Сёма, как ты вообще жил с ней?

— бросила Женя, глядя на меня как на героя трагедии.

Я пожал плечами.

— Нормально. Как видишь, живой. Почти всегда закрывал смену. Но сейчас что, хотите сказать, теперь Славина очередь жить со мной, да? — спросил я, пытаюсь угадать.

— Не-а. Там у Слави занято. Мной, как бы, — сказала Женя с самым невинным выражением лица.

— Это... как? — спросил я, но чуть задумался.

Не хочет ли она сказать, что тут есть и та Женя? Но как такое возможно? Бред.

— Если интересно — загляни в библиотеку после ужина. Не хочу говорить заранее. Мне больше хочется увидеть твою реакцию.

Библиотека.

Точно. Не зря же я видел сон, как воспоминание, где я танцевал с Женей в библиотеке, с той у которой была брошь на голове. Где ещё какая-то американка, там спала на диванчике.

— Может, всё-таки скажете, кто там с ней живёт? — вздохнул я.

— Не-а. Сам увидеть должен. Так не поверишь, — усмехнулась Женя.

— Чтобы я во что-то не поверил? Единственное, во что я когда-то не поверил, это когда Ульяна во втором цикле, пыталась меня надурить тем, что Алиса обоссалась в кровать... Ну, когда мы с ней брошь искали.

— Ого... Ты и тот цикл помнишь, и другие три, да? — удивилась Женя.

— Да... Ладно, не хотите говорить сразу, то не надо. Просто ведите уже к месту моего обитания. Самому уже интересно, с кем я буду жить.

Меня подвели к домику, который я никогда особо не замечал.

Он был... непримечательный. Ни вывески, ни флага, ни даже разбитого корыта у двери. Словно его не существовало все эти смены. Но он стоял почти в центре лагеря, самый близкий к площади, отчего с крыльца можно было разглядеть целый лагерь.

— Вот ключи. Открывай сам, — сказала Женя.

Я взял их. Подошёл к двери.

Через мутное окно уже было видно: внутри — полумрак и паутина.

Открыл дверь. И сразу же в нос ударил запах пыли и сна, который лежал здесь, кажется, с прошлого лета. Чуть помявшись, мы всё-таки прошли внутрь.

Комната встретила нас глухой тишиной и своеобразным бардаком. Двумя пионерскими кроватями. Пыльными матрасами, лежавшими так, будто ждали своего часа — быть отбитыми палками... уже не первый год. Паутиной в углах. Грязью на полу.

И ощущением, будто этот дом сейчас находился не в лагере, а там, где обитают светлячки Мику.

— Вот мне интересно... — пробормотал я, осматриваясь.
— Если этот дом был здесь всё время... и пустовал, почему меня то к Ольге подселяли, то к девчонкам — к Алисе и к Лене?

— К Лене тоже? — переспросила Женя.

— Угу. Вот с ней как раз и жил прошлую неделю.

— И как?..

— Ну, как видишь, живой. Но технически... умер. Отравился яблоком, зелёным, — усмехнулся я.

— Сёма... прости, — вмешалась Виола, виновато улыбаясь. — Я действительно не думала, что мой бутыль с ядом кто-то стащит. Теперь-то он спрятан получше.

— Может... просто вылить его? Ну и всё, — предложил я.

— Ага. Нет уж. У меня тоже должно быть оружие, как и у Жени с её магией. Вдруг придётся с тем твоим двойником увидеться. Мало ли, — пожала плечами Виола.

— «Мало ли» — это скверно звучит, — фыркнул я. — Я бы такому слову не доверял. Да и как поможет яд против него в схватке, только если самому выпить, чтобы не мучиться.

— У вас, конечно, интересно тут... — вздохнула Женя.
— Всё больше хочется узнать, что у вас там происходило.

Я только хотел начать разбирать вещи, как за окном заиграл горн. В этом лагере всё было по расписанию. Кроме приезда в лагерь. Я каждый раз приезжал будто в разное время: то за час, то ровно к ужину.

— Ладно, идите, поешьте, — вздохнула Виола. — Я тут

пока... почищу это логово.

— Ага... Я же ещё не переоделся, — сказал я, хватаясь за рубашку.

— Тогда давай быстрее, — кивнула Женя. — Мне задерживаться нельзя.

Потом, немного тише, почти с ухмылкой:

— Хотя, может, ради тебя... если ты сам проводишь меня до дома, Ольга сжалится, и мне удастся побольше отдохнуть от её речей.

Я стянул с себя всё — до трусов. Виола хихикнула, а Женя моментально отвернулась.

— Стесняться раздеваться перед девушками, я вижу, тебя так и не научили, да? А сам про принципы говорил, — буркнула она.

— Ну что вы там не видели? Виола вообще как-то меня всего уже разглядела. Как и ты своего того Семёна, — пожал я плечами.

— Я... — замялась Женя. — Да... видела я. Но давай лучше сменим тему.

— Ну, Сёма, — усмехнулась Виола, убирая паутину палкой в углу, — а твоё тело, по сути, оказывается, тот ещё Казанова.

— Тело да... Но лично я, честно, только с тобой, Виола. С остальными — вроде не доводилось.

— Думаешь, с Алисой у тебя тогда всё-таки не было? Под сценой, когда ты бухал с ними? — прищурилась Женя.

— Ну... судя по её словам, в конце вроде было. Но это была какая-то другая реальность. Ведь я точно помню, что уснул тогда, когда напился, а они исчезли, когда мы втроём спали. Видимо, либо они, либо мы перешли куда-то. А значит, лично у меня ничего не было. Ну или я верю в это. Как и в тот факт, когда Славя сказала, что беременна от меня, хотя у меня и с ней ничего не было. Это лагерь, видимо, так поставляет факты. Особенно когда ты Женя пропадаешь на предпоследний день.

— А с Виолой было, значит, в обычной реальности? — Женя глянула на меня в упор.

— Ну... так получилось. Сама же сказала, что я не выдержу и нарушу свои принципы, живя с Алисой в одном доме. Вот я и не нарушил. Пришёл к Виоле за помощью. Она, в отличие от вас, взрослая и уже состоявшаяся девушка.

— Вообще-то я тоже взрослая. Если я сюда попала в семнадцать лет, это не значит, что я не выросла за десять лет жизни тут. Не забывай: у нас с тобой один год рождения, — фыркнула Женя. — Так что не трынди о том, в чём сам не можешь разобраться. Быстрее поправляйся и пошли, красавец. А то на ужин опоздаем.

Что я и сделал. Быстро собрался и выскочил с Женей из дома, оставив Виолу хозяйничать в пыльной обители.

День 1 - Вечерние тайны

Я ещё раз взглянул на свой новый дом со стороны. Из одного окна была видна площадь. Из другого — библиотека, клумбы, сцена.

Удобное расположение. Но и на виду у всех. Не спрятаться. Не покурить. Не подумать в одиночку. Тут эти девки, скорее всего, целые хороводы, будут устраивать, узнав, что я живу один.

— Женя, а ты действительно не помнишь, что было с тобой после того, как лагерь закрылся после нашего ухода? — спросил я.

— Нет. Говори, что именно там случилось-то, — сказала она.

— Ну... мы всё же попали в свой мир. Оба. В свои дома. А ты мне позвонила и сказала, что уже взрослая, как и я. И потом... — начал я и чуть замолчал.

— Что потом? — спросила она.

— Потом Лена тоже попала в наш мир. И убила тебя там. Отчего ты попала в рай или лимб, где продолжили жить души этого лагеря. А Лена за тобой бегала, а ты от неё, чтобы спастись, — сказал я.

— Значит, вот так всё было? А ты действительно думаешь, что это было правдой? — спросила она.

— Ну, я так видел. Хотя, может, это всё было как сон. Я

уже сам не понимаю, — сказал я.

— Скорее всего, сон. Если я отсюда уйду, я не буду старой, а проснусь в автобусе. Значит, это у тебя просто ложное видение было. Как ты там говорил? Другая реальность. А сейчас мы в настоящей, где я всё ещё в этом лагере, живая и помню всё, что происходило со мной в этом лагере, — сказала Женя.

Я не ответил.

И всё же мы подошли к столовой и вошли внутрь. Очереди уже особо не было. Все сидели по местам, а ужин шёл полным ходом. Мы взяли подносы и направились к столику, на который кивнула Женя. Прошли мимо двух длинных рядов, стараясь не задевать чужие спины. Особенно тех, кто пялил-ся на меня так, будто я новая игрушка, доставшаяся не им.

— Ого, наша хулиганка себе новенького подцепила, — усмехнулась Алиса.

— Завидуешь, что он симпатичный и ей достался? — прищурилась Славя.

— Какой миленький... Может, он ко мне в клуб зайдёт записаться, — подпрыгнула Мику. — Пальцы у него прям как у музыканта. Надеюсь, хоть он решит у меня учиться.

Лена только смотрела. С лёгкой улыбкой в виде галочки. А по глазам я пока не мог понять, что происходит: помнит она меня или нет? Или живёт тут как обычно, но опять влюбилась в меня с первого взгляда?

— Ой, будет над кем издеваться, — хихикнула Ульяна. —

Надо узнать, где живёт, чтобы жучков ему в подушку подсу-
нуть. Ну, чтобы не расслаблялся!

— Девочки, вы чего так... — пожала плечами Славя. —
Может, он и правда нормальный.

— Если он выбрал нашу курящую Женю, — фыркнула
Алиса, — то в нём точно есть что-то... от нашего.

— Или, может, Женю просто попросили лагерь показать?
— предположила Славя. — И он вообще спорт любит.

Я старался не слушать их болтовню, но каждое слово при-
липало к коже, как муха к липкой ленте.

— Ну вот, — тихо проговорила Женя, — опять тебя будут
окружать эти чирикающие птички. Снова будешь нарасхват,
а мне, как всегда, внимания по минимуму.

— Ну ты чего так... Я думал, что мы опять будем друг
друга любить и всё такое, — сказал я с мягкой улыбкой.

Женя приподняла бровь.

— Ты сейчас серьёзно?

— Ну а что... Или, может, твой Серёжа опять меня опе-
редил?

— Серёжа? — она сделала вид, что задумалась. — Вопрос
сложный. Очень сложный. Но я на него не отвечу. Сам всё
поймёшь.

— Всё больше загадок и ни одного ответа... — пробурчал
я.

— Ага. Только морально тебе лучше подготовиться. Так
что ешь. А потом я тебя провожу. А завтра с утра — разго-

вор. Ты мне сам дашь ответ на то, что здесь вообще происходит.

— А что рассказывать то, просто лагерь снова, заиклился вот и всё.

— Понятно. Но всё же нужно узнать всё, чтобы понять, как всё же от сюда сбежать, — Женя сощурилась. — Так что расслабляться некогда. Надо искать выход. Как можно быстрее, любимый мой, — съязвила она с упрёком... и чем-то ещё.

— Если что-то не так тут уже происходит, может, лучше сейчас мне всё расскажешь? — спросил я.

— Не лучше, — покачала головой Женя. — Ты должен увидеть это сам. А уже потом дать мне ответ.

— Интрига, как всегда... — усмехнулся я. — Думаешь, я со слов не поверю?

— Не знаю. Но лучше увидеть, — ответила она, отворачиваясь к столовой.

Она словно искала кого-то глазами... но не находила.

— Мне уже страшно, — признался я.

— Мне тоже. Но это надо принять как знак, что мне, скорее всего, тут осталось недолго. И знаешь... я даже не понимаю, почему я до сих пор ещё здесь.

— Всё настолько серьёзно?

— Серьёзно. Даже слишком.

— Тогда утром — в медпункт. Там и поговорим. А сейчас... лучше не расплываться. Если всё действительно идёт

так, надо быть осторожнее.

— Согласна, — кивнула Женя.

Мы замолчали. И продолжили, есть, молча, иногда украдкой поглядывая друг на друга. Взгляды были прямыми — и в то же время где-то глубоко... отстранёнными.

Каждый думал своё. Каждый не говорил всего. Мы просто доели ужин. И не проронили больше ни слова до момента, когда всё-таки вышли из столовой почти последними.

— Ну, я тебя провожу, как ты и хотела. Чтобы Ольга не кричала. Хотя понимаю, перекурить с тобой всё равно не получится, — сказал я.

— Не получится, — вздохнула Женя. — Она теперь заставляет меня дышать ей в нос каждый раз, как я захожу домой. Как поисковой собаке. Даже мята и жвачки с её носом не спасут.

Я усмехнулся.

— Ничего смешного. Она теперь мне как мама, понимаешь? Только моя мама всё разрешала, а эта — всё запрещает: гулять допоздна нельзя, курить нельзя, читать ночью нельзя. «Глаза испортишь, и так в очках ходишь».

— Но она всё равно хорошая, согласись. И говорит о полезных для тебя вещах, — сказал я.

— Полезных, ага. Только мы знаем, что моему телу это всё равно. Хотя если дальше ей подыгрывать... может, она мне разрешит с тобой жить? Ты ведь один там.

— Сама-то веришь в это? — хмыкнул я. — Ещё бы она

тебе разрешила с парнем жить. Ладно, подумает, что мы... ну, ты поняла. А может, решит, что ты меня испортишь: курить научишь, читать до ночи...

— Ой, да не смейся. Было бы чему тебя учить — ты и сам всё умеешь. А так она всё же подселяла тебя к девкам и не думала даже о том, что у тебя там с ними мог быть перепихон, — фыркнула она.

— То были они, у них было доверие. Да и я не смог бы с ними, и мог им сам отказать. Может она именно это во мне и видела, когда подселяла с ними. А тут ты, которая у меня в сердце, скажем так, ещё сидит, — сказал я.

— Ага, значит, любишь меня, да? — усмехнулась она.

— Когда-то любил однозначно. Может, и сейчас тоже... — прошептал я.

— Приятно слышать, Сёма. Что после всего, что я тебе сказала и не сказала, ты всё же относишься ко мне не как другие, — сказала Женя и тихо улыбнулась.

Я опустил голову и промолчал.

— Не кисни. Ладно, мы пришли. Давай обнимемся — как тогда, за музыкальным клубом. А потом по домам. И не забудь зайти в библиотеку, хорошо?

— Хорошо, — кивнул я.

И обнял её.

Тёплую, ласковую Женю, с её торчащим локоном в виде вопроса. Ту, которая тоже не хотела, чтобы этот вечер закончился.

— Всё, всё, — рассмеялась она, отпрянув. — А то мама увидит. Ругаться будет, что с мальчиками дружу.

— У меня, кстати, тут тоже мама есть. Дома убирается у меня. И ждёт.

— Виола? — уточнила она.

— Ага. В прошлой неделе она стала ею. Хотели мы этого или нет.

— Интересная у вас там была неделя... Утром расскажешь, — сказала Женя.

— Расскажу. А теперь — доброй ночи.

— Доброй, — кивнула она.

Она открыла дверь, и на пороге её уже ждала Ольга Дмитриевна. Я успел заметить, как та проверила её — буквально с ног до головы — и затем перевела взгляд на меня.

— Спокойной ночи, Ольга Дмитриевна, — сказал я вежливо.

Повернулся и пошёл в своё новое жилище. Впервые за долгое время — в одиночестве.

Я подошёл к двери и взялся за ручку.

— Женя... Женя... Даже не знаю, люблю я тебя или нет. Но в сердце ты явно есть, как бы я ни хотел это отрицать. Может, я даже рад, что ты вернулась и уже не бегаешь там от Лены. Что мы снова увиделись. Но ты опять в циклах, и это не совсем радует. И если всё так, как ты говоришь, тогда я должен найти выход. Чего бы мне это ни стоило. И спасти тебя, — пробормотал я себе под нос.

И вошёл внутрь.

Виола уже сидела на кровати поближе к окну и смотрела куда-то вдаль. Её лицо было спокойным, но взгляд будто скользил за границы лагеря.

— Вот и снова она с тобой. Но ты растерян, да? Не можешь определить, любишь ты её или нет искренно? — спросила она, не поворачивая головы.

— Поняла, да? — кивнул я.

— Поняла. По твоему взгляду на неё. У тебя всё так же осталось чувство долга перед ней. И обида, что из-за тебя она тут. Хотя ты и не совсем виноват, — сказала Виола.

Я опустился рядом с ней на кровать и сник. Виола тихо обняла меня.

— Это даже хорошо. Может, это станет для тебя толчком — разобраться со всем этим, — мягко сказала она.

— Я боюсь... что выхода отсюда нет. И снова, проводя её туда, я просто отправлю её в небытие. Я ведь не могу знать точно, — сказал я еле слышно.

— А если нет? Может, всё-таки стоит попробовать? — ответила она, не отпуская.

— Не знаю... Истина — страшная штука. Я это понял. И чем больше понимаю, тем больше боюсь, — признался я.

— Если у вас есть шанс, то вы должны его использовать. Ну а мне придётся свыкнуться, — сказала Виола.

— Свыкнуться? — спросил я.

— Да. Так как это мой мир. А в ваш. Ты сам, наверное,

понимаешь, что я не смогу туда уйти. Так что придётся мне тут страдать и жить, как мне и суждено, — ответила она с доброй улыбкой.

— Виола... — прошептал я.

— Ладно, пойдём. Проводишь меня до медпункта. А потом зайдёшь в библиотеку, как она и хотела, — сказала Виола, вставая.

— Ведь она тут... Женя, да? С прошлого цикла? — уточнил я.

— Значит, ты сразу понял, — сказала Виола.

— Понял. Ведь я ей тоже дал съесть яблоко. И она съела со мной, хоть у неё и аллергия на них, — сказал я.

— Зачем тогда пошли на такой шаг? — спросила Виола.

— Скажем так, я уже думаю, что это была ошибка. Как и с тобой, когда ты съела яблоко. Ведь в рассказе Ольги Женья помнила и страдала, смотря, как Семёны выбирают всех, кроме неё. Вот, видимо, это тоже из-за меня. Но я сам не понимаю, почему я это всё творю. Особенно в таких ситуациях. Как в тот раз, когда я увидел Лену с моей книгой, полной крови, и ножом в руках.

— Тогда можно сказать, что ты точно человек. Обычно всё это происходит на эмоциях, а их, как ни крути, никак не перебороть, — ответила она.

— Если я знаю, что она там, мне действительно нужно идти к ней? — спросил я, глядя на неё.

— Нужно. Ведь, по-моему, она и есть та, кто сидит в твоём

сердце. Так что пошли, пионер... и сын по совместительству. Думаю, и ей ты нужен как никогда, — улыбнулась она, чуть пихнув меня в бок.

Я проводил Виолу до медпункта. По пути она рассказывала о неделе до моего приезда. Ничего особенного. Впрочем, я и не ждал сенсаций. Единственное, что зацепило: Женя теперь каждый день ходит к ней на осмотр. Меряет давление после утренней пробежки, сдаёт отчёты, что не курит и не пьёт.

Виола усмехнулась:

— Поверь, я сама не верю в это до конца. Но старается, чертовка быть прилежной.

Новости были и смешные, и не очень. Немного согрели, но оставили лёгкую тревогу.

Перед сценой встречи. У дверей медпункта она обернулась, пожелала мне удачи и скрылась внутри, оставив меня одного. Я повернул к библиотеке. Шёл не торопясь, как будто ноги сами вели меня. И всё думал: что же мне ей сказать?

Я немного потупился у двери и всё-таки открыл её. Скрип. Тишина. И я шагнул внутрь.

Библиотека была такой же, как я её и помнил: полки, книги, знакомый запах пыли и бумаги. Всё стояло на своих местах, будто не сдвигалось годами. Даже за тем самым столом, за которым всегда сидела Женя, был кто-то.

Силуэт девушки.

Она склонилась над книгой. Точнее — над блокнотом.

Моим блокнотом. Тем самым, в который я когда-то записывал свою историю. Не стихи, не черновики, а именно всё: день за днём, всё, что прожито.

Очки. Те же самые. Но на макушке не торчала небрежная прядь, как раньше. Зато блестело что-то знакомое. Брошь. Та самая брошь.

Я замер. Она подняла взгляд на звук моих шагов. И я увидел её. Женю.

Сердце дёрнулось — как будто кто-то резко выдернул шнур из розетки. Она посмотрела на меня сначала чужим, оценивающим взглядом. Лоб нахмурен, губы сжаты — словно проверяла, я ли это.

Но потом, будто опознав, в её глазах вспыхнуло узнавание.

— Сёма... — прошептала она.

И в следующую секунду вскочила, едва не опрокинув стол и стул, подбежала ко мне и обняла. Так, как обнимают тех, кого больше не надеялись увидеть.

— Женя... — прошептал я.

Она подняла на меня глаза и щёки всё также красные, блестящие. Будто всё это время только и ждала, что сможет, наконец, сказать:

— Я... я тоже живу с начала смены, Сёма. Как и ты. Я съела с тобой яблоко. И после мне стало плохо. Я задохнулась от аллергии быстрее, чем меня убил яд. Оно перекрыло мне воздух в горле, всё потемнело. А потом я... проснулась.

В первый день смены. В автобусе. Но со мной была другая Женя. Видимо, та... из твоей книги. Та, что жила по твоему рассказу. Я прочитала её и теперь понимаю, как ты живёшь. И что ты пережил, — сказала она.

Она дрожала. И в её голосе было что-то такое, что сломало меня окончательно.

Я заплакал. Не громко, не театрально — просто слёзы потекли сами собой. И она... увидев это... заплакала тоже.

— Женя... прости, что и тебя втянул в это, — выдавил я.

Она сжала губы, как будто каждое слово сейчас будет отрываться по кусочку её самой. Я опустил голову. Проглотил ком, но он застрял где-то между стыдом и виной.

— Прости. Что в последние дни отрекался от тебя. Я думал, что если буду с ней, все будут жить так, как и должны прожить свои жизни. А получилось так, что я ничего не смог поменять. И всё из-за моей ошибки. Из-за того, что я не держу всё в себе, а постоянно вплетаю кого-то во всё это. Я всегда делаю только одни ошибки. Я... никчёмный. Если можешь — прости. Просто... прости.

— Может, присядем? — выдохнула она. — А то ноги что-то не слушаются.

— Давай, — кивнул я.

Мы опустились на старенький диван, скрипнувший, будто и он вздохнул от этой встречи.

Я смотрел ей в глаза и держал её за руку — живую, тёплую. Потом мой взгляд упал... на брошь. Она поняла, куда я

смотрю, и, не говоря ни слова, сняла её с головы. Осторожно положила в мою ладонь. А сверху — свою руку.

— Она... твоя. Я её не снимала. Ни разу, — прошептала Женья.

— Эта чёртова брошь... Она причина, почему я появился тут. Если бы не было её, не было бы и меня. А если бы не было меня, не было бы этих проклятых циклов, смерти Лены и моей книги, — сказал я.

— Зато она дала мне шанс встретить тебя, — отозвалась Женья и сжала мою руку чуть крепче. — Но ты ведь сказал, что судьбу изменит тот, кто пишет её сам... Значит, ещё не всё потеряно. И ты сможешь её переписать. Ты ведь писатель, Сёма.

Я посмотрел ей в глаза. Такие же, как раньше. Только глубже.

— Я ещё не знаю, получится ли. Но пока нам надо будет просто жить, как и прежде. И не говорить никому. Даже той Жене. Пусть никто не знает, что ты помнишь, кроме Виолы. Она знает, но понимает, что не стоит рассказывать. Так что притворись, что ничего не помнишь. Что ты просто пионерка. А я... я попробую во всём разобраться. Обещаю спасти тебя. И всех.

— Я доверяю тебе, Сёма, — прошептала она. — Я люблю тебя. Верю тебе. Ты... всё для меня. Всё.

И это было больно. Больно — слышать это. Потому что я не знал, что ответить.

Если я тут, хоть Юля и говорила, что первым Семёном был тот, её любимый, но живу здесь я, а не он, значит, лагерь снова дал мне испытание. Или второй шанс. Или всё же это не первая ветвь, а вторая, по сути. А значит, я могу ещё всё исправить, — подумал я.

— Ладно. Пошли. Я провожу тебя, книги понесу. Но, Женя... Ты просто живи. Как все. Лагерь не любит, когда кто-то идёт против шерсти. А я теперь... я во всём должен разобратся сам. Раз уж все на это надеются.

Мы взяли книги и вышли из библиотеки. На улице мы особо ни о чём не говорили. Просто шли молча, слушая, как лагерь засыпает.

Шорохи. Сверчки. Скрипы вдалеке.

У меня в голове крутился ураган. А у Жени, наверное, было что-то совсем иное. Может, умиротворение. Простая радость: рядом снова иду я. И есть кому нести книги.

Она не торопилась. Шла медленно, будто хотела, чтобы дорога не заканчивалась. Я же — наоборот. Уже ждал утра. Ждал момента, когда можно будет попытаться расставить хотя бы пару точек над «и».

Когда мы подошли к дому, где жили Славя и Женя, нас уже ждали.

Славя сидела на ступеньках, глядя в темнеющий лагерь. В её позе было что-то мечтательное, будто она вглядывалась в прошлое, которое ей здесь всегда нравилось.

Заметив нас, она поднялась.

— О, Женя! Вот и дождалась тебя. Я, как всегда, ключи забыла. Сажу тут, жду, пока ты свои книжки принесёшь, чтобы мне почитать перед сном, — Славя улыбнулась мягко и по-доброму.

Потом её взгляд скользнул на меня.

— Ого, и новенький с тобой? Меня, кстати, зовут Славяна, но все зовут просто Славя.

Женя кивнула, явно собираясь взять слово:

— А это — Семён.

— Приятно познакомиться, — сказал я, чуть поклонившись.

— Вот вы даёте. Быстро нашли себе парня, — хмыкнула Славя. — Не думала, что вы, Жени, такие стремительные.

Но в её голосе не было колкости — только тёплая ирония.

Женя чуть смутилась. Я заметил, как она мельком посмотрела на меня. В её взгляде вдруг промелькнуло удивление. Будто только сейчас до неё дошли мои слова о «другой Жене».

— Ты уже говорил... со второй Женей? — прошептала она.

— Ну, знаешь, — ответил я так же тихо. — Её попросили встретить меня, вот и встретила с Виолой.

— И как тебе лагерь? — вмешалась Славя, вытягивая ноги и облокотившись о перила.

— Красивый. Душевный. Особенно пионерки — так и радуют глаз, — усмехнулся я.

— У нас тут парень-романтик, — весело ответила она. — Надеюсь, ты не такой, как кибернетики, а то у них всё про винтики да платы. Парней у нас и так мало, а нормальных вообще на вес золота.

— Не переживай. Я не такой, как твои кибернетики. Платы и болты не люблю, — подмигнул я.

Женя вдруг посуровела.

— Всё, Славь, пошли. Семён, наверное, устал после дороги. Пусть отдохнёт.

В её голосе послышалась ревнивая нотка. Или мне показалось?

— Доброй ночи, Семён, — сказала Слава и мягко улыбнулась.

— Доброй ночи, девочки, — ответил я.

— Доброй, — чуть слышно добавила Женя.

Они скрылись за дверью, оставив меня наедине с вечерним воздухом и своими мыслями. И чем-то ещё. Чем-то щемящим, ещё не оформленным. Но точно важным.

Я пришёл домой, захлопнул дверь за собой и остановился посреди комнаты.

— Чёрт возьми... почему всё так? Почему всё так произошло-то?.. Я не понимаю. Я... не понимаю! — выдохнул я. Почти выкрикнул, не сдержавшись.

Руки сами потянулись к голове, и я чуть не выдрал себе волосы, пока опускался на кровать.

Дом был пуст. Я в нём — один. Как и жил до лагеря. Я уже

когда-то привык быть один. Но и отвык от этой серой пустоты. От одиночества, которое, казалось, давно выветрилось. А теперь вот — оно. Снова со мной. Как намёк.

Ведь я уже заметил, что этот эффект бабочки всегда действовал тут, в лагере, на опережение. Своими выходами показывал, что меня ждёт в будущем. Вот и сейчас мне показалось, что всё идёт к этому.

Только окно было единственным, что связывало меня с лагерем. Там, за стеклом, меня вроде бы кто-то всё же ждал.

Я разделся и лёг на кровать.

Этот уголок — моё пространство. Клочок лагеря, где я, как ни странно, хозяин. Хотя, что за хлипкий хозяин без чайника, печенок и музыки? Даже блокнота нет, чтобы записать мысли. Только я, подушка и пустая вторая кровать. Она пустует. Или тоже ждёт кого-то. Может, кого-нибудь поселят. А может, и нет. Не знаю. Но знаю одно — лучше спать. Лучше утонуть в темноте, чем разрывать себя вопросами, на которые нет ответов.

Я закрыл глаза. И просто доверился сну. А во сне мне снился лагерь. Но не тот, что я знал.

Всё было серым. Деревья будто выгорели. Трава лежала придавленная, как после чьих-то шагов, слишком тяжёлых для пионеров. Небо нависло низко-низко, будто потолок плохо построенной декорации.

Я шёл по центральной площади, а звуки — шаги, дыхание, даже ветер — будто прятались за ширмой. Всё казалось

липким. Застывшим. Чужим. И тогда я увидел себя.

Пионера который стоял у ворот. С той же чёлкой на глазах, в той же форме. Только на лице — ухмылка, которую я уже ненавидел больше всего.

Он жевал травинку и смотрел прямо на меня, как старый знакомый, у которого накопились претензии.

— Как я и говорил, судьбу не поменять, как ни крути. Свыкнись и жди своей кончины. Ведь скоро я заменю тебя, а ты просто уйдёшь в небытие, — сказал он.

Он сделал пару шагов, не отрывая взгляда, и ткнул пальцем мне в грудь.

— И всё же никто не виноват, кроме тебя самого, спаситель чужих жизней. Они все застряли из за тебя. Ты запустил это колесо, и теперь мы в нём, как хомяки. И всё потому, что ты хотел быть героем.

Он усмехнулся.

— А стал якорем, долбоёб.

Я хотел что-то сказать. Хоть слово. Но не смог. А он просто исчез, оставив меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.